

Машара Ханум

Народная артистка Союза ССР
ТАМАРА ХАНУМ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
УЗБЕКСКОЙ ССР

Ташара
Ханури

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ — 1956

если собрать в один зрительный зал всех видевших и слышавших Тамару Ханум хотя бы один раз, потребуется грандиозное помещение, в котором будут присутствовать, за малым исключением, все жители Узбекистана и добрая половина всего населения Советского Союза; здесь разместятся сотни тысяч китайцев, десятки тысяч албанцев, поляков, чехов, пакистанцев, монголов, тысячи норвежцев, венгров, иранцев, австрийцев, жители Парижа, Берлина, Лондона...

Если собрать все, что написано о Тамаре Ханум, получатся десятки объемистых томов.

И если считаешься в сотни статей, очерков, отзывов, писем, записок и песен, посвященных артистке за тридцать пять лет ее творчества, то увидишь, что все строки неисчислимых высказываний роднят чувства восхищения и благодарности — восхищения мастерством актрисы и благодарности за то, что она сумела раскрыть и донести до зрителя душу каждого исполняемого ею вокально-танцевального народного произведения.

...Забили призывно, празднично дйры, заговорили что-то радостное наперебой, захлебываются, перезванивают кольцами, боятся, что чего-то не успеют досказать. И вдруг, вздрогнув, замерли... Вот она — виновница их радостного волнения, стройная, в развевающемся платье, в коротком камзольчике, туго стянутом у пояса. Легко ступают ее ноги, ее руки колышутся, будто ветки цветущего урюка, светлая улыбка подбодрила дйры, и они восхищенно, уже хором, начали славить девушку, о которой поет вся страна.

Это такая девушка, что встает раньше солнца и сама похожа на солнце — она собирает своими быстрыми руками белое золото. Ей подражают молодые и любят старики — такой девушкой нельзя не гордиться! — взволнованно рассказывает голос певички. Но ни слова восхищения, ни праздничная мелодия, ни захлебывающиеся от восторга

бубны не в состоянии выразить всей силы обаяния, всей радости жизни прекрасной Яхши-Гюль, что значит Цветок радости. И вот замелькали черные косы, закружилось в восторженном плясе проворное сильное тело, все ускоряя и ускоряя темп; не угнаться за ним бубнам, и они в изнеможении забились соловьиной трелью... А Яхши-Гюль прислушалась — задрожали ласковые пальцы, срывающие нежные хлопья с зеленых кустов. Но не в состоянии Яхши-Гюль долго мечтать, нет! И опять замелькала в пляске девушка-Радость, чьи руки сеют довольство, богатство, счастье!

На смену Яхши-Гюль выступает деловитая, степенная китайка. Неторопливые, но удивительно точные движения ее небольшого тела, высокий ласковый голосок рассказывают о нежных и ярких шелках, сотканных на фабриках родины для прекрасных дочерей Китая... А девушке-ткачихе вторит парень-хлебороб: угловатыми, чуть вразвалюшу движениями он идет по кругу, приплясывая, поигрывая сильными мускулами славно поработавших рук. Он дает обещание уставить столы всех китайцев хлебом, а где хлеб — там и ягненок!

Еще не смолкли последние звуки отрывистых и в то же время степенно точных слов молодого китайца, а уже зазвучала прихотливая, светлая, тихая мелодия, будто зажурчал ручеек в горах. Точно боясь спугнуть кого-то, прислушиваясь к тишине, поет юная девушка. Грациозная и шаловливая, покачивая головкой в такт сокровенным мыслям, она словно плывет, лукаво улыбаясь, выводя призывные рулады. Это девушка из страны «Утренней свежести», она хочет соткать рубашку милому, но нельзя ткать для любимого из простых нитей... И припала девушка на колени, вытянула руки вверх в восторженной просьбе к Луне, покровительнице влюбленных, одолжить несколько нитей... Тихо, тихо льются звуки заклинания, но вот заиграла улыбка, засветились глаза: в руках у девушки засеребрились нити лунного света...

...Зазвучали торжественно дойры, переливчато запел сурнай — идут родители жениха сватать невесту. Но невеста так хороша, что родители не могут расстаться с ней. Завязывается темпераментный спор, в него вступает целая группа людей: вот вкрадчиво заговорила сваха, но ее перебивает мать невесты — один, чуть презрительный, отрицательный жест рукой, ладонью от себя — и характер матери, непомерно гордящейся своей красавицей-дочерью, у которой брови чернее ночи, у которой губы слаще меда — ясен... Строптивая мамаша удаляется, надменно подняв голову. Но свадьба в армянской деревне все же будет — молодые любят друг друга, а это самое главное.

О любви поет дочь степей, статная, загорелая, сильная, стройная, с эпически спокойными движениями, будто ожившее изваяние из бронзы, пришедшее из далеких, забытых сказаний. Ожила хозяйка необъятных просторов, царственно осмотрела свои богатства, и высокий голос полил-

ся, зазвенел, заговорил с далеким возлюбленным — любовь ее сильна и светла, а сама она напоминает могучую реку Аму, густые кофейные волны которой несут свою влагу жаркой пустыне...

Нарушая торжественную атмосферу, принесенную на сцену дочерью туркменского народа, стремительной походкой, в ярком платье, в башмаках на толстых подошвах выходит смешливая норвежская девушка. Будто выскочила в круг на деревенской вечеринке, чтобы посмеяться над своим дружком, который так влюблен, что отвечает всем невпопад. А говорит он, продолжает лукавить девушка, «...что возить дрова и возить воду куда неприятнее, чем носить на руках голубоглазую возлюбленную». Ужасно смешной парень! Но он хороший! — утверждает девушка в грациозно-неповоротливом быстром плясе, копирующем возлюбленного. И ей нельзя не верить.

Так же как нельзя не поверить прискакавшему на быстром коне стройному, как стрела, отважному и проворному, точно лев, афганскому юноше. Он рассказывает, как полюбил девушку с первого взгляда, как она сожгла его сердце, опьянила его, погубила его. Четкие и сильные движения немногочисленны, но в них отражается вся воля и сила и, пожалуй, хитрость молодого воина — он ведь не скрывает сейчас своих качеств, а, наоборот, играет мускулами и огнем черных глаз — смотри! любящий! Кто решится со мной соперничать?!

И как бы на зов влюбленного афганца, потупив взор, окутав тело просторными перламутровыми шелками, осыпанная рубинами, неслышно, почти как тень, как пери, вошла пакистанка. Уголки губ ее чуть приподнимаются, ноздри вздрагивают, вдыхая аромат душной ночи, пьянящих цветов; плечи мягко опущены, спина чуть согнулась, руки молитвенным жестом сложены ладонями перед лицом... И полился тихий, приглушенный полушопот песни — просьбы о том, чтобы звезды светили, светили очень ярко, так как должен придти милый. И кажется, стыдятся поднять глаза ждущая свидания пери, стыдятся своей просьбы. Но вот она все же подняла их — и они загорелись, будто звезды погасли и отдали свой свет глазам девушки, чтобы разглядел возлюбленный, как она хороша...

Горит страстью знойная цыганка Кармела; дрожит, переливается голосок казашки; озорно сверкая глазами, выбивая дробь каблучками, заливается румянцем русская девушка; как сильная птица с могучими крыльями, поет во весь голос, не смущаясь, хорезмийка — поет о любви, о долге и благородстве.

Поет о любви и верности ферганская девушка, жемчужина среди узбекских красавиц. Строгий наряд ее из лилового шелка серебрится под неярким светом, перезванивают украшения на чуть вздрагивающей груди. Медленно плывет по кругу строгая фигура. Целомудренен и благороден нежный облик девушки, редко поднимающей ресницы над мин-

далевидными глазами. А когда поднимет, то засветится в них родниковая чистота, глубина и ясность.

Но вот послышалась взволнованная, мужественная мелодия, громко, протяжно зазвучал голос, будя горное эхо. Это приветствует родину юный албалец, вернувшийся из далеких странствий, ступивший на тысячелетние камни родной земли. Перед нами юноша в белоснежном костюме, сливающимся с горными вершинами. Играет, горит в его руках красный платок, который через мгновение превращается в алую гвоздику. И юноша прячет ее у себя на груди...

А зрителям кажется, будто они вдыхают горный свежий воздух, любят вершинами снежных гор, ощущают терпкий аромат горной алой гвоздики.

Всю эту яркую, большую семью девушек, юношей и пожилых женщин, живущих в разных странах мира, зрители увидели на одном концерте. И главное, Тамара Ханум не просто проплясала незнакомый танец и спела песню на незнакомом языке — она создала конкретный образ человека с присущим ему характером, то мягким и ласковым, то строгим и степенным, то гордым и смелым, с присущими только ему привычками и жестами, мимикой и внешностью.

В каждом номере актриса рассказывает о каком-то конкретном событии из жизни своего героя или героини — то ли это деревенская вечеринка, то ли семейная или уличная сценка, то ли свадебный пир, то ли праздник урожая. И зритель невольно втягивается в атмосферу переживаемого героем события.

Отбирая в народных танцах, песнях, костюмах те движения и жесты, те интонации речи, те любимые цвета, которые выражают существо характера народа, его своеобразие, актриса создает не просто конкретный, индивидуальный характер, а характер национальный — типический.

Каждый выход актрисы как бы ударом волшебной палочки переносит сотни зрителей то на плоскогорье Монголии, то в сады Испании, то на озера Норвегии, то в горы Кавказа. И люди, минуту назад совершенно незнакомые зрителю, становятся по воле актрисы близкими ему, понятными, родными.

Каждый концерт Тамары Ханум — это переключка народов мира. Своим творчеством артистка помогает народам понять друг друга, а понять — значит полюбить.

Книга отзывов ансамбля, бережно хранимая актрисой, заполнена многочисленными записями, в которых зрители делятся своими мыслями об искусстве Тамары Ханум.

«Сделать далекое близким, чужое — родным, непонятное — понятным — вот высокая задача художника, мастерски выполненная великой артисткой Тамарой Ханум и ее ансамблем на гастролях в Польше», — написал в этой книге видный польский литературный критик Е. Курилюк.

«Вы — дочь всех тех народов, песни которых поете!» — восклицает польский зритель Т. И. Конар.

«Удивительное ваше искусство питается прямо из чистых источников народного творчества, и потому оно так трогает наши сердца, — написали чехословацкие зрители. — Но самое главное, что на ваших выступлениях народное возвращается опять к народу, дается ему как лучший подарок, ведя его к новому, радостному взгляду на жизнь».

И, продолжая их мысль, норвежский музыкальный критик Турбьерн Кнудсен пишет: «Замечательный концерт Тамары Ханум прошел с огромным успехом. Правда, мы в Норвегии холодные, сдержанные, но перед Ханум мы не можем устоять. Как бы мы хотели оставить ее у себя навсегда!»

...Если вообще можно сказать, что какой-нибудь концерт способствует укреплению международного взаимопонимания, то таким концертом был концерт Тамары Ханум. Она заслужила наибольшую премию мира только за свои концертные выступления в Норвегии»¹.

«Тамаре Ханум мы благодарны за ее безграничную любовь к индийцам и за изумительное исполнение индийских песен и танцев, — говорит индийский журналист Умеш Джоши. — Тамара Ханум — первая актриса, которая способствует сближению народов СССР и Индии, овладев исполнением индийских песен и танцев»².

«На китайском языке Тамара Ханум с воодушевлением пела о радости китайского народа после его освобождения, — пишет обозреватель китайской газеты «Гуанчжоужаобао». — И в это время Тамара Ханум, стоявшая на сцене, вдруг превратилась в китайскую девушку. Радостно обхватив букет цветов и отбивая ногой такт «янгэ», она поет о жизни, которая становится день ото дня все прекрасней. Тамара Ханум так хорошо знает китайский народ, так горячо любит его. Как только она смолкла, зал заклокотал — под бурные аплодисменты и крики зрителей Тамара Ханум обняла стоявшую на сцене девушку-студентку, которая преподнесла ей цветы. Сердца двух народов — китайского и советского — слились и забились вместе!»³.

Можно привести отзывы албанцев, венгров, австрийцев, иранцев, пакистанцев, монголов, англичан, — в каждом из них звучит все та же мысль: искусство роднит народы.

* * *

Тамара Артемовна Петросян родилась в 1906 году в семье армянина, рабочего железнодорожных мастерских, жившего в небольшом пристанционном поселке Горчаково, Ферганской области. Детей в семье

¹ Норвежская газета «Фрикетен» от 5/XI 1953 г.

² Индийский журнал «Музыкальное искусство» за октябрь 1955 г.

³ Китайская газета «Гуанчжоужаобао» от 10/XII 1952 г.

было много, достатка — мало, и хотя родители пытались дать дочерям какое-то образование и воспитание, Тамара и ее сестры были фактически предоставлены самим себе.

В детстве Тамара делила жизнь на две части: ту, которую видят все и которая «разрешается», и другую, которую никто не видит и которая «не разрешается». К первой части относились нелюбимые предметы в гимназии, работы по дому и остальные скучные вещи, а ко второй — вечерние пляски у костра на пустыре в фантастических костюмах, игра узбекских бродячих актеров-кизикчей и тайное посещение свадеб, народных торжеств — санлей, тоев.

На всех народных узбекских празднествах обязательно присутствовали танцоры, певцы, акробаты, фокусники, канатные плясуны. И какой необычайной, таинственной казалась девочке их жизнь, каким притягательным их запретное искусство! Сколько раз ученица гимназии, сняв туфли и засунув их в школьную сумку, бегала по дорогам за трупками кизикчей и возвращалась домой глубокой ночью, полная впечатлений, мелодий и движений, так и готовых вырваться наружу. А дома ждали горькие упреки родителей, которым хотелось видеть дочь примерной гимназисткой.

Тамара давала «последнее честное слово» не бродить по дворам за актерами, а через несколько дней влезала на соседний забор, за которым шла свадьба. Не помогали никакие наказания — тяга к песням и танцам жила в Тамаре сама по себе, она не вольна была с ней бороться. Случилось так, что Тамара не заметила, как превратилась однажды на празднике из слушателя в исполнительницу, и вскоре уже все в квартале знали, что Тамара-армянка пляшет и поет узбекские песни не хуже знаменитых в народе песенниц и плясуний, посвятивших свою жизнь развлечению женщин, запертых на женской половине дома — ичкари.

Но она исполняла не только узбекские песни, а все, какие удавалось услышать и запомнить: в школе она с подругами пела «Светит месяц», дома с соседями — украинские песни, а иногда вечерами подпевала матери, любившей вольные цыганские напевы.

Трудно было разобраться, что больше нравилось — узбекские мелодии или русские частушки, протяжные украинские или гортанные цыганские песни. Нравилось все, но вот однажды, когда Тамаре исполнилось двенадцать лет, она поняла, что ее больше всего привлекает, что захватило ее всю.

...Это было в 1918 году, боевом году Революции. Маленькая Тамара жила тревожной, насыщенной жизнью: она целыми днями пропадала на сходках, митингах, демонстрациях — ее привлекали туда давно знакомые, но неожиданно изменившиеся люди, страстно спорившие и вдохновенно певшие новые, неизвестные девочке песни.

Как-то в знойный летний день на площади станции Горчаково собралась огромная толпа — дехкане, рабочие, служащие, мужчины и женщины. Они собрались под Красное знамя для того, чтобы идти на митинг в Фергану. И вот, наконец, вся огромная масса народа двинулась по раскаленной дороге, лежащей между просторными полями, к садам Ферганы. Развевающиеся знамена, тревожное звучание карнаев, дробный ритм десятков дойр сообщали движущейся массе народа необычайную устремленность — все шли быстрым шагом, почти бегом, босые загорелые ноги ступали по жаркому песку, не разбирая дороги. Белые рубашки мужчин переливались, играли на солнце, пестрели яркие платья женщин, откинувших или забывших надеть черную сетку чачвана, скрывавшую лицо женщины Востока от посторонних взглядов. Устремленность шествия все нарастала, и вот идущие впереди юноши, засучив повыше брюки и рукава, пустились в пляс. Они плясали, не замедляя хода, прищелкивая пальцами; вихрем неслись они по дороге, опережая столбы пыли, играя на солнце сильными мускулами, — казалось, что все они похожи друг на друга в этом вихревом плясе. На обветренных лицах горели только белки глаз и белые полоски зубов, открытых в восторженной улыбке. Несколько километров прошли люди в стремительном танце — танце силы, воли, отваги и смелости! Танце, славящем жизнь и свободу.

Никогда прежде — ни на ночных саиях, при свете костров, ни во время весенних празднеств, когда вся масса празднующих одевает венки из алых тюльпанов, ни на самых богатых и многолюдных свадьбах, на которые съезжались знаменитые танцоры со всей области, — не видела Тамара такого мужественного, простого и прекрасного танца. Она не заметила, как сама пошла рядом с танцорами, пытаясь подражать их сильным и могучим движениям, высоко закинув голову, выпрямив спину, широко и привольно ступая.

Уже будучи опытной актрисой, Тамара поняла, что именно в этот знойный день родился новый образ узбекского танца. Танца, который раскрепостил тело и заставил жить каждый его мускул, напоил энергией каждый жест, каждое движение.

Слава о маленькой плясунье и певунье все растет, и вот через год на осажденную басмаческими шайками станцию приезжает агитационный бронепоезд № 14. Группой агитаторов руководил первый узбекский советский драматург, поэт и композитор, крупный общественный деятель, посвятивший свою жизнь борьбе за свободу узбекского народа, за укрепление советской власти в Туркестане — Хамза Хаким-заде Ниязи. Кто-то посоветовал Хамзе пригласить для участия в концерте маленькую Тамару. Тамара пела песни Хамзы, популярные в народе, не подозревая, что стоит перед автором. Хамза был доволен. Так состоялось крещение юной артистки: она пела и танцевала на настоящем концерте.

для революционных солдат и борющихся за свободу дехкан и рабочих. А вскоре знаменитый узбекский скоморох Юсуп-Кизик Шакарджанов пригласил молодую «артистку» на саль, организованный в день перехода войск басмача Мадаминбека на сторону советского правительства. На этот концерт Тамару одевал весь квартал, и несмотря на то, что халат был слишком длинен, Тамара отплясывала во всю, отражая, как в зеркале, движения Юсуп-Кизика... Прямо на нее смотрели в упор хмурые глаза Мадаминбека, из-за его халата выглядывали пулеметные ленты, опоясавшие грудь бандита крест-накрест. Точно застывшие, стояли около него рослые курбаши; сузившиеся глаза, раздувшиеся ноздри и гуляющие желваки на скулах говорили о том, что дорого стоит им «любование» картиной торжества народа. Но вот внезапно раздались выстрелы, вся огромная площадь загудела, толпа кинулась в разные стороны, затрещали пулеметные очереди, раздались тревожные слова: «Мадаминбек обманул советское правительство!..»

Сорвав с кого-то паранджу, Юсуп-Кизик прикрыл ею Тамару, так как среди возгласов восхищения и одобрения зрителей, принявших Тамару за узбекскую девушку, чуткий Кизик услышал слова проклятия «девчонке», посмевшей открыть лицо перед народом и «вызывать дьявола своими бесовскими плясками».

В Тамару полетели камни, палки, комки глины — все, что попадало под руки... Не разбирая дороги, прикрывая собой, почти тащил ее Юсуп-Кизик по темным закоулкам и улочкам. А за спиной шумела, нагоняя, разгневанная толпа фанатиков, желающих уничтожить «веротступницу».

Такие бурные финалы концертов сопровождали все первые годы творчества молодой актрисы, смело вынесшей на сценические подмостки жемчужины узбекского народного творчества.

В пятнадцать лет Тамара становится актрисой кордебалета Ташкентского русского театра оперы и балета, одновременно участвуя в концертах кружков народных узбекских песен и танцев под руководством Ятима Бабаджанова, Абрара Хидоятова, Али-Ардобуса Ибрагимова. В 1923 году она вступает в ансамбль песни и пляски, организованный знаменитым певцом Кари Якубовым. В 1926 году этот ансамбль переименовывается в Этнографический. Ансамбль разъезжает по самым отдаленным уголкам Узбекистана, не только давая концерты, но и проводя беседы в кишлаках и городах о выборах в Советы, о борьбе с басмачеством.

Часто голодные, в поношенной одежде, артисты ансамбля взваливали все свое богатство на плечи и переходили из кишлака в кишлак, с честью выполняя свою культурную миссию.

Вплоть до 1928 года, когда ансамбль присоединился к Самаркандскому театру драмы, его то распускали, то вновь организовывали:

Коллектив Государственного этнографического ансамбля.

В первом ряду (слева направо): Ата-Ходжа Саидходжаев, Ахмеджан Умурзаков, Уста Алим Камилов, Хайд Ахун, Арифджан Гармончи; во втором ряду: Давлят Ахун, Абдукадыр Исмаилов, Юсуп-Кизик Шакарджанов, Тохтасин Джалилов, Ходжи Сиддик Исламов; стоят: Мухитдин-Ходжи Тамбурчи, Джурахон Султанов, Мамат-бобо, Тамара Ханум, Кари Якубов, Худойберган, Мадаминджан Алиханов.

1926 год.

в Наркомпросе, в ведении которого находился ансамбль, нашли приют националисты, враги революции, которым просветительная деятельность ансамбля была не по нутру.

Но все трудности забывались, когда артисты всматривались в горящие восторгом глаза зрителей, когда вслушивались в поощрительные выкрики — они видели, как жаждут простые люди песни и танца, как помогает веселая песня труду, как радуется взор красивый танец. С каждым концертом все меньше недоброжелателей оставалось среди зрителей. Слава об ансамбле разлетается по самым глухим кишлакам, хотя ни радио, ни газеты в те годы еще не вошли в быт узбекского крестьянина и ремесленника.

Артистов ждали не только для того, чтобы посмотреть концерт, но и для того, чтобы посоветоваться, выяснить массу неразрешенных, мучительных вопросов.

В эти годы с необычайной быстротой растет концертный репертуар Тамары Ханум — в него входят десятки танцев и больше сотни песен. В эти же годы она начинает играть в музыкально-драматических спектаклях — Гульчехру в пьесе «Аршин-Мал-алан», Ширин в «Фархаде и Ширин», комсомолку в «Товарищах». Она играет героинь драм и комедий, молодых и старых, привлекательных и отталкивающих, поет и танцует, шьет костюмы, рисует эскизы декораций, учится гриму и гримируется, делает предметы бутафории и ставит танцы.

Ростом профессионального мастера и богатством своего репертуара молодая артистка была обязана чуткому отношению к ней участников ансамбля — крупных мастеров узбекского музыкального, вокального и танцевального искусства. Знаменитые народные артисты Юсуп-Кизик Шакарджанов, Уста Алим Камиллов, Ахмеджан Умурзаков, Кари Якубов и другие были не просто старшими товарищами и советчиками, а требовательными, настойчивыми учителями, которые изо дня в день передавали Тамаре навыки мастерства, мудрость народных актерских традиций.

В 1927—1928 годах Этнографическая труппа после гастрольной поездки по Советскому Союзу попеременно работает в Коканде, Андижане, Фергане, составляя основное театральное звено в каждом из этих городов, помогая организовать нормальную деятельность театров. В 1928 году труппа присоединяется к Самаркандскому театру драмы, став его музыкально-драматическим филиалом. И, наконец, в 1929 году выделяется в самостоятельный театральный коллектив — Государственный музыкально-драматический театр.

«Первая восточная ласточка», как назвал Тамару Ханум Луначарский, первая женщина в Узбекистане, смело запевшая песни протеста на площадях городов и сел, женщина, противопоставившая страшным религиозным пережиткам средневековья, рабскому унижению узбечки свободное творчество, разбудила немало дремавших женских сердец.

Трудно было в те годы заставить женщину-узбечку вырваться из ичкарки, сбросить паранджу и выступить с открытым лицом на сцене, но Тамара Ханум находила таких женщин. И вот, когда их было уже четвере, в день 8 марта 1928 года, одну из них — Тупахон — зарезали озверевшие фанатики прямо на сцене, две другие, терроризированные приверженцами старого быта, ушли из ансамбля; через год гибнет еще одна женщина, недавно пришедшая в театр, — Нурхон.

Но жизнь шла вперед невероятно быстро: в 1929 году в Самаркандском театре выступали четырнадцать женщин, а через год на Всесоюзную олимпиаду искусств национальных республик в Москву едет уже большая группа женщин. Среди них комсомолки, пришедшие из техникумов и школ, ставшие впоследствии популярными узбекскими актрисами — Мукаррам Тургунбаева, Розия Каримова, Халима Рахимова, Гавхар Петросова и другие.

Тамара Ханум среди женщин снявших паранджу
Коканд. 8 марта 1927 года.

* *

Уже в 1925 году, готовясь к гастролям на Международной выставке декоративного искусства в Париже, актриса начинает задумываться над сценической формой узбекского народного танца.

Она приспособливает для сцены национальный костюм — укорачивает непомерно длинные рукава узбекского женского платья, открывает ворот, убирает лишние складки с шальваров и т. д. Облегчая из года в год национальный костюм, актриса добивается, не искажая национальной формы, его предельного изящества и удобства.

Обработке подвергаются и танцевальные номера артистки — она убирает из них повторы, создает разнообразные переходные движения, связывающие основные танцевальные фразы, стремится найти точный, компактный рисунок передвижений по сценической площадке.

Работая в этнографическом ансамбле, Тамара Ханум начинает отбирать из всего разнообразия движений народного танца наиболее выразительные, наиболее близкие ее художественной натуре.

Но не эти изменения являются основными в сценическом преобразовании узбекского народного танца. Тамара Ханум вносит в исполнение свое отношение к жизни — шире становится жест, отводятся от лица руки, прикрывавшие глаза дореволюционных танцовщиц ичкари, распрямляются опущенные плечи, поднимается выше голова, всему корпусу сообщается мягкая пружинистость.

Эти преобразования как бы возвращают узбекскому танцу его истинную народность, убирая с него наслоения мусульманско-феодального периода. Танец меняется в своем существе, настроении, движения его наливаются бодростью, энергией, выражая характер освобожденной от рабства узбечки.

Для дальнейшего развития и обогащения узбекского танцевального искусства требовалась точная, четкая система обучения танцоров.

В 1928 году Тамара Ханум совместно с известным бубнистом Уста Алимом Камиловым организует при Экспериментальном музыкально-драматическом театре небольшую студию.

Основываясь на опыте поколений народных танцоров и применяя лучшие достижения русской школы классического танца, Тамара Ханум и Уста Алим напряженно работают над созданием системы обучения узбекскому народному танцу. Они отбирают танцевальные ритмы и систематизируют порядок их прохождения, то есть составляют «урок» узбекского танца.

Наряду с этим для обучающихся в студии вводится тренаж классического танца, который помогает танцовщику выработать правильное дыхание, приучает преодолевать усталость, придает его телу стройность и подвижность.

Традиции и метод воспитания русской классической школы Тамара Ханум использует очень осторожно, выбирая в них только то, что помогает обогатить узбекский танец, не мешая его национальному своеобразию.

Ей приходится вести продолжительную борьбу за чистоту узбекского танца, против искажений и нарочитых наслоений, якобы диктующихся требованиями времени, а на самом деле являющихся формалистическими извращениями. Вульгарно понимая «дух современности», балетмейстеры тридцатых годов увлекались гимнастическими и трудовыми движениями, натуралистически перенося их на сцену, отрывая тем самым танец от его народных истоков, лишая его глубокого чувства, переживания и образной выразительности.

Первой узбекской танцовщице приходится отстаивать дойру, основной аккомпанирующий танцу инструмент, который некоторые вульгаризаторы объявили инструментом не народного происхождения.

Узбекские народные танцы, особенно танцы Ферганской долины, построены на четкой ритмической основе. Бесконечная смена ритмов, каждый из которых несет свое образное существо, организует и направ-

Тамара Ханум исполняет узбекский танец «Катта-оин».
Коканд. 1927 год.

ляет движения танцующего. Узбекский танец может исполняться без мелодического сопровождения, но без точного ритма он теряет свою выразительность, образность, своеобразие.

Доказывать, что дойра — необходимый инструмент для сопровождения узбекского танца, пришлось вплоть до Всесоюзной олимпиады искусств, проходившей в Москве в 1930 году, где Тамара Ханум станцевала под дойру, в сопровождении Уста Алима, танец «Садр» и вызвала бурю аплодисментов в зрительном зале.

Используя народное танцевальное наследие, насыщая традиционные старинные танцы новым дыханием, Тамара Ханум в конце двадцатых годов трудится над созданием современных массовых танцев, которых в Средней Азии до революции не существовало.

В 1932 году Тамара Ханум вместе со своим учителем Уста Алимом готовит большую программу массовых и сольных танцев для проводимой в Узбекистане Олимпиады народного искусства.

Наиболее интересным в программе явился поставленный на старинные ритмы «Кема-уюн» танец «Шелкопряд», ставший одним из самых популярных современных узбекских танцев и получивший в исполнении Тамары Ханум и ее талантливых учениц Мукаррам Тургунбаевой, Галии Измайловой и Халимы Камиловой известность далеко за пределами нашей Родины.

Первая часть танца посвящалась девушке — подневольной труженице, чьи проворные руки тянули нити для того, чтобы закатать в шелка обитательниц байских гаремов. Мелкими шажками, на гнущихся от усталости ногах, пошатываясь под тяжестью груза, медленно движется девушка. Налитые усталостью тяжелые руки трудно подчинить воле, заставить делать привычные движения — раскладывать листья, выбирать коконы из кипящей воды, тянуть бесконечно длинные нити.

Тупая усталость, сковавшая все члены тела, постепенно переходит в отчаяние — девушка кружится в бешеных чархах — вихревых движениях по кругу, проходя его один, второй, третий раз, отчаяние сменяется гневом, мускулы наливаются силой, гнев, все нарастая, освобождает движения. И вот уже другая девушка, сильная, радостная, с гордо выпрямленными плечами, широко шагает по цеху просторной фабрики. Улыбка озаряет лицо, руки легко летают, ловко выхватывая коварную нить, пытающуюся скрыться от глаз хозяйки-ткачихи, и ласковые пальцы нежно, любовно тянут вверх нескончаемую нить...

Используя трудовые движения, актриса наполнила их внутренней музыкальностью, выразительной пластичностью, выдвинув на первый план не само трудовое движение, а связанные с ним мысли и переживания. Это был уже не просто танец, взятый у народа и насыщенный новым настроением, это была хореографическая картинка, наполненная содержанием новой эпохи, в которой действует конкретный современный герой.

Тамара Ханум в роли Ширин в спектакле Самаркандского эксперимен-
тального музыкально-драматического театра.

1928 год.

Рождение танца «Шелкопряд» явилось определяющим шагом в работе над созданием узбекских современных народных тематических танцев, отражающих жизнь советского человека.

В 1932 году Тамаре Ханум присваивается звание Народной артистки УзССР. Признание народа заставляет артистку с еще большей требовательностью относиться к своей творческой деятельности. Ее мечтой становится создание, на основе народных танцев и русской танцевальной классики, больших хореографических полотен — балетных спектаклей.

Поездки с Этнографическим ансамблем по республике дали Тамаре Ханум возможность собрать многочисленные варианты народных плясок, изучить особенности танцев каждой области Узбекистана. В Коканде она берет уроки мужского танца у популярного дойриста Махкам Хафиза. В Самарканде и Бухаре собирает вокруг ансамбля большую группу народных плясунов, аккомпаниаторов, кизикчей. И каждый из них становится сперва учителем, а затем партнером Тамары Ханум.

В начале тридцатых годов налаживается работа Музыкально-драматического театра. Интересная актерская и балетмейстерская деятельность в театре и на эстраде наполняет все дни двадцативосьмилетней Народной артистки, но Тамару Ханум непрестанно заботит мысль, что она еще не изучила всего танцевального богатства узбекского народа. Жажда знаний приводит ее в Хорезм.

«Хорезм произвел на меня совершенно сказочное впечатление, — пишет в своем дневнике актриса. — Меня интересовало все: и своеобразие быта, и знакомый говор и, особенно, искусство. Хорезмийские танцы меня просто потрясли. Как можно было жить в Узбекистане и не знать хорезмийских плясок! Меня захватили зажигательные, мужественные танцы хорезмийцев. Я ходила по свадьбам, тоям, саиям, как завороченная, и ночами в своей комнате сотни раз повторяла увиденные танцы.

Я и не заметила, как восприняла и хорезмийский диалект, и манеру поведения, как запела и как заплясала по-хорезмийски. Месяца через четыре я настолько сроднилась с народом, что не представляла себя иной. Я стала истинной хорезмийкой, восхищавшие и пугавшие меня своей сложностью танцы стали моими...»

По возвращении из Хорезма Тамарой Ханум овладевает мечта — создать балетный спектакль на основе хорезмийских плясок, отличающихся необычайным разнообразием движений и богатством содержания, сочетающих в себе и нежную лирику ферганских, и изысканную сложность бухарских, и живость андижанских, насыщенных в то же время огненным темпераментом и яркими красками.

Подготовка к Декаде узбекского искусства и литературы, проходившей в Москве в 1937 году, явилась как бы серьезной репетицией перед постановкой балета. Тамара Ханум ставит большое количество массовых

Тамара Ханум исполняет поставленный ею танец «Уфари-паррон».
1930 год.

и сольных танцев, связанных общим содержанием, для инсценировки «Саиль и колхозный той» и для музыкальной драмы «Фархад и Ширин».

Ежедневный тренаж по системе русского классического балета, начатый еще в 1921 году в театре оперы и балета, позволил Тамаре Ханум в 1934 году, после непродолжительной, но напряженной подготовки, выступить в балетном спектакле «Ференджи», поставленном театром Свердлова, в сложной характерной партии Индоры. В работе над этой партией актриса достигла не только действенности и истинной драматичности, но и технической виртуозности танца.

Глубокое изучение узбекского танцевального фольклора, продолжительная успешная балетмейстерская практика в создании современного узбекского народного танца и познания, хотя и небольшие, в области русской классики позволили Тамаре Ханум приступить в 1940 году к

постановке национального балета «Гуляндом», где она участвует и как соавтор либретто, и как консультант по выбору мелодического материала, и как постановщик, и как исполнительница заглавной роли.

Последний предвоенный год подводил итоги более чем двадцатилетней деятельности Тамары Ханум в области создания и развития современного народного узбекского танца — от первых смелых выступлений восемнадцатого и девятнадцатого годов, перенесших узбекский женский танец из замкнутых стен ичкари на сценические площадки, до создания национального хореографического спектакля.

Но беспокойная натура артистки продолжает искать новые пути развития народного искусства. И находит их в сценической обработке и насыщении идеями современности наиболее любимого в узбекском народе жанра песни-пляски.

В узбекском искусстве большой популярностью пользуются жанры «ялла» — переключка солиста с хором, исполняемая с подтанцовкой, и «ляпары» — песенно-танцевальные игровые сценки, представляемые двумя потешниками.

Встреча советских артистов с Полем Робсоном. Справа Тамара Ханум.
Москва, 1937 год.

Артисты ансамбля на приеме в Кремле после получения правительственных наград за активное участие в художественном обслуживании строителей Ферганского канала. Справа от М. И. Калинина Тамара Ханум, слева — Софья Каракаш; стоят: Маматазиз Ниязов, Гафур Салихов.
1939 год.

Включая в свой концертный репертуар на протяжении всех лет творчества большое количество ляпаров и ялла, Тамара Ханум часто обрабатывала их для сольного исполнения без партнеров.

Уже в двадцатые годы артистка, знакомя народы Советского Союза и зарубежных стран с узбекским искусством, начинает постепенно, еще не систематически, включать в свой репертуар номера, построенные на сочетании песни и танца других народов советского Востока. Так, после гастролей в Бухаре в 1922 году и в Баку в 1924 году, актриса начинает исполнять таджикские и азербайджанские номера, несколько позже — татарские, а в середине тридцатых годов ее концертная программа пополняется казахскими, киргизскими, туркменскими, каракалпакскими, армянскими и грузинскими номерами.

Как-то на вечере, посвященном творчеству великого украинского поэта Шевченко, Тамару Ханум попросили исполнить украинскую песню.

И вот тогда уже рождается мысль серьезно заняться составлением целой программы — «Танцы и песни народов СССР».

Осуществлению этой мысли способствовала организация в Ташкенте в 1936 году Филармонии, при которой Тамара Ханум собрала ансамбль из нескольких исполнителей и исполнительниц народных песен и танцев и довольно большого оркестра народных инструментов. В 1940 году она оставляет работу в театре — вся кипучая творческая деятельность Тамары Ханум сосредоточивается в преобразованном ею ансамбле, состоящем из небольшого оркестра узбекских народных инструментов, рояля, ведущего программу и исполнительницы песен и танцев народов и народностей Советского Союза Тамары Ханум.

Свой репертуар актриса, за очень редким исключением, черпает непосредственно у народа, выбирая песни и танцы на народных гуляниях, семейных торжествах или концертах художественной самодеятельности.

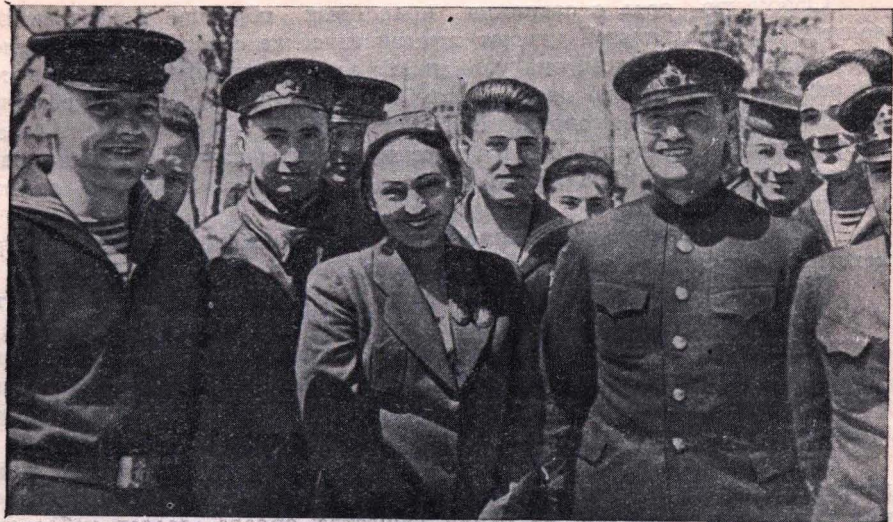
Для того, чтобы создать в короткой танцевально-вокальной сцене типическую картинку, Тамаре Ханум требуется самой окунуться в жизнь народа, ощутить особенности его национального характера — не просто увидеть танец или услышать песню, а понаблюдать за бытом, привычками, своеобразием походки, жестикуляции, мимики, интонациями речи, вглядеться в краски окружающей природы, пожить с людьми их жизнью, как говорит Тамара Ханум — «впитать в себя жизнь, отдаться ей без остатка».

После того как выбрана и прочувствована легшая на сердце мелодия песни, актриса начинает отбор движений из национальных танцев, а если народ не имеет танца, Тамара Ханум использует пластику жеста и походки. Работа эта очень сложна и трудоемка, так как танец обязан не просто соответствовать песне, а отражать в себе характерные черты народного темперамента.

Перед тем как заняться технической отработкой номера, актриса должна «увидеть» свою героиню или героя, то есть представить его индивидуальное качество, привычки, внешний облик. И тут на помощь актрисе приходит костюм. Иногда народный костюм сразу совпадает и по форме, и по цвету с образом и с данными самой артистки, а иногда приходится менять расцветки, крой, искать какие-то дополнительные детали. И только после долгой, кропотливой работы, когда костюм готов, номер отрабатывается окончательно.

Строго продуманный, многократно выверенный и закрепившийся для каждого номера костюм способствует моментальному перевоплощению актрисы из одного образа в другой. Каждая деталь костюма рождает в ней определенные ассоциации, которые в свою очередь создают нужное психологическое состояние.

Легкая обувь, тяжелые украшения на голове, длинные рукава, лента, затянутая высоко на талии, невольные делают шаг мелким и неслышным,

Тамара Ханум среди моряков.
Поти. 1942 год.

движения приобретают округлость, мягкость — все это рождает нужное для корейского номера лирическое настроение.

Алая роза, запутавшаяся в волосах, огромный резной гребень, тяжелый бархат, туго стягивающий талию, высокие каблуки изящных туфель, шелк тесемок кастаньет помогают актрисе ощутить атмосферу душевной ночи испанского предместья, где пылкие стройные девушки пляшут до рассвета со своими возлюбленными.

Тихий перезвон хорезмийских украшений на груди актрисы рождает новые ассоциации, новые чувства — и льется звонкая песня, перекликаясь с журчанием ручья, унесшего шелковый платок, подарок любимого.

Большое мастерство актрисы позволяет ей и без национального костюма создавать нужный образ, но во время концерта, в котором она обязана перевоплощаться от пятнадцати до двадцати раз, ей необходимы привычные одежды и украшения, помогающие без лишней затраты энергии моментально преобразоваться как внутренне, так и внешне.

Бывает разное. Иногда номер оживает сразу и только проверяется во время концертов — такое быстрое рождение образа чаще всего происходит в зарубежных поездках, когда вся воля актрисы направлена на «впитывание» атмосферы жизни данной страны. А бывает, что номер готовится несколько месяцев, а то и лет.

Огромную роль в создании правдивых образов представителей разных национальностей играют лингвистические способности актрисы. Обладая тонким слухом, она улавливает еле заметные интонации в произношении слов любого языка. Зарубежных слушателей всегда восхищает правильность ее выговора. Норвежский критик, корреспондент газеты «Афгенпостен», пишет: «Тамара и ее музыканты выучили именно нашу «Окбере ватн, окбере ва», которую она исполнила с легким задмарковским акцентом»⁴.

В Китае актриса очень скоро научилась петь китайские песни и приветствовать зрителей на китайском языке.

Большую помощь как в подготовительной работе над номером, так и во время концерта оказывает Тамаре Ханум весь ансамбль, начиная с аккомпаниатора и конферансье Софьи Каракаш, музыкального руководителя Пулата Рахимова и кончая костюмершей Александрой Костиковой, не только шьющей костюмы, но и, что очень важно, одевающей артистку во время концертов.

Тамара Ханум во время выступления чутко прислушивается к живому реагированию зрительного зала. В зависимости от состава и настроения аудитории, артистка, не меняя существа образа, делает небольшие акценты в определенных моментах номера, подчеркивает в герое те черты характера, которые более близки и понятны зрителям.

Такие импровизации, рожденные верным пониманием живых чувств зрителей, требуют необычайной слаженности всего ансамбля, моментально улавливающего психологическое состояние артистки и во-время переключающегося в ее ритм.

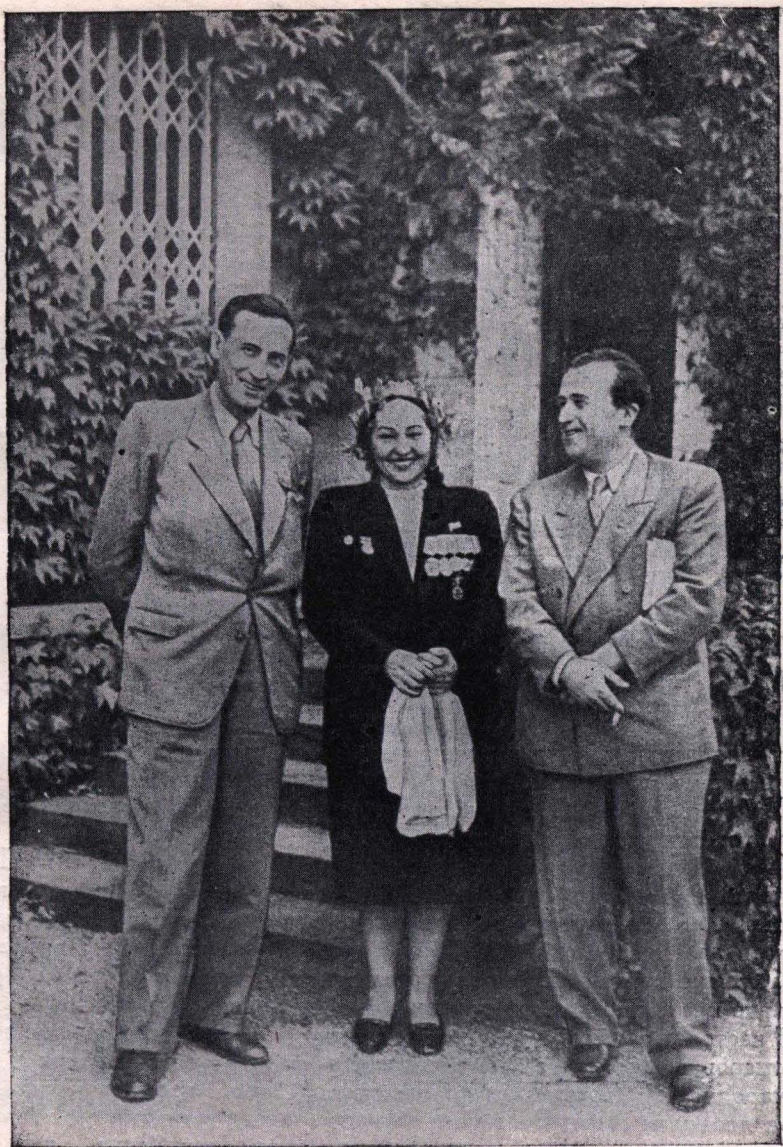
Тамара Ханум всегда остро чувствует и быстро откликается на животрепещущую тему дня, каждый новый номер ее огромной программы рождается, как ответ на запросы зрителей.

Примечательна история создания первого зарубежного номера.

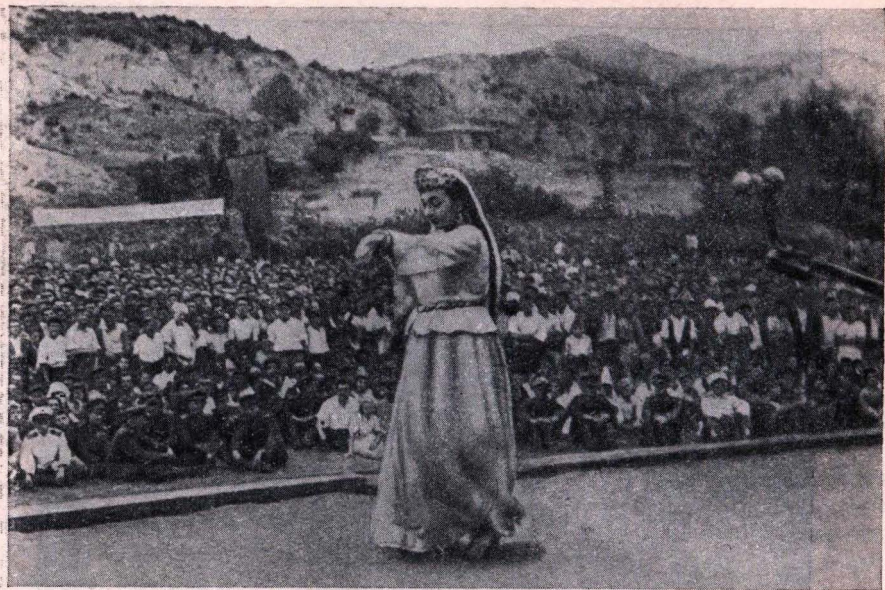
В 1942 году в Потти на корабле «Парижская коммуна» давался концерт для уходящих в бой моряков. Концерт шел прямо на открытой палубе. Моряки просили исполнить «все, что вы знаете». Тамара Ханум исполняла без устали «все, что знала», лихорадочно припоминая, что еще осталось неисполненным. В одну из небольших передышек, когда еще не смолкли аплодисменты, раздался озорной голос: «Вот вы все умеете, а испанскую песню, небось, не споете?!» Все настороженно замолкли, и по выражению лиц слушателей актриса поняла, что им очень хочется услышать испанскую песню...

Еще в мирные дни, длинными южными вечерами Тамара Ханум часто просиживала у радиоприемника, прислушиваясь к разноязычным песням, к незнакомому говору. Несколько раз услышанная песня запомнилась, и актриса любила петь в семейном кругу английские, испан-

⁴ Норвежская газета «Афгенпостен» от 23/XI 1953 г.

Тамара Ханум с горожанами Брно.
Чехословакия. 1948 год.

Тамара Ханум на празднике Муслим Пеза в деревне Муслим Пеза, названной в честь героя, отважно боровшегося за освобождение родины.
Албания. 1952 год.

ские и итальянские романсы и народные песенки, но никогда не решалась выносить их на эстраду.

На этот раз просьба была так горяча, что актриса решила без всякой подготовки спеть давно полюбившуюся «Текьеро».

А на следующий день, на другом корабле, ей уже кричали: «Просим испанскую про Кармелу!», «Спойте итальянскую!», «Индийскую!», «Китайскую!». Исполнить все эти просьбы она не могла, но для себя решила в дальнейшем обогатить свой репертуар песнями зарубежных стран. Однако зарубежные номера стали появляться в программе артистки только после поездок за рубежи нашей Родины.

В настоящее время в репертуаре Тамары Ханум, состоящем из трехсот номеров, представлены, кроме песен и танцев всех народов и почти всех народностей, населяющих Советский Союз, песенно-танцевальные номера двадцати стран Востока и Запада, среди которых монгольские, иранские, турецкие, афганские, пакистанские, индийские, китайские, корейские, польские, норвежские, чехословацкие, албанские, испанские и мексиканские.

Пожалуй, лучше всех профессиональных рецензентов, писателей, поэтов сказал о творчестве Тамары Ханум простой ленинградский зритель:

«Дорогая Тамара Ханум! Да, именно дорогая, так как каждый живой человек и в особенности каждый живой советский человек, который хоть раз видел ваш изумительный талант, имел возможность восхищаться вашим непревзойденным умением передавать в песне и танце душу народов нашего великого Союза,— для каждого человека вы будете навеки дороги...

Л. Н. Толстой определял искусство, как способность человека, пережив какое-нибудь чувство, словами, звуками, красками или движениями так передать это чувство, чтобы оно заразило зрителя, читателя или слушателя, чтобы последние вслед за исполнителем пережили это чувство...

Члены советской делегации деятелей культуры с пионерами Пекина,
В центре Тамара Ханум,
1952 год.

Тамара Ханум беседует с супругой Чжоу Энь-лая.
Пекин, 1952 год.

С точки зрения этого определения, а оно правильное, ваши выступления — это подлинное, настоящее живое искусство. И притом — здоровое и советское. Ведь вчера в филармонии улыбка, улыбка радости от начала и до конца вашего выступления была на лицах зрителей.

Люди аплодировали вам от глубины очарованной души, любовались вами, любовались девушками и юношами, мальчиками и девочками народов СССР, облик и чувства которых вы воплощали с таким неподражаемым мастерством, полным неизъяснимой красоты, грации и простоты...

В марте 1936 года я видел вас в Среднеазиатском государственном университете. Там я восхищался вами, талантливейшая артистка. Вчера вы показали себя в другом свете — не только талантливым художником, но советским художником, подлинно народной артисткой. Честь и хвала вам, талантливейшая художница, честь и хвала советской стране, давшей вам возможность развернуть во всю ширь ваш блестящий талант, а нам наслаждаться им.

Много «цветов счастья» разбросали вы вчера перед зрителями, и они подобрали их, спрятали в своем сердце и ушли счастливые и радостные. Со мной был друг мой армянин и товарищ украинец — и оба они ушли с таким же впечатлением, как и я... Мне было особенно радостно, так как я четырнадцать лет прожил в Узбекистане и навсегда пленен этой чудной солнечной страной. Я приехал туда в 1920 году с группой товарищей, чтобы строить первую высшую школу — Среднеазиатский Государственный университет. Я знаю, как поднялся с тех пор Узбекистан, какие огромные творческие силы, державшиеся под спудом, вырвались наружу благодаря советскому строю...

Живите долго, творите, сейте радость и счастье своим мастерством, дорогая Тамара Ханум. И передайте мой и моих друзей горячий привет участникам ансамбля...

Вам не юноша пишет, а старый, умудренный жизнью человек, профессор университета. *Д. Кашкаров.*»

Узбекские артисты в гостях у народной артистки Советского Союза

О. Л. Книппер-Чеховой

В первом ряду (слева направо): Салима Ходжаева, О. Л. Книппер-Чехова, Тамара Ханум, Софья Каракаш; во втором ряду: Сафо Бакаев, Наби Рахимов, Ахмед Дададжанов, Гафур Азимов.

Ялта. 1954 год.

Тамара Ханум с работниками пакистанского радио.
Карачи, 1954 год.

Тамара Ханум одна из первых женщин освобожденного Востока вышла на театральные подмостки, чтобы восславить советское искусство, чтобы пробудить тысячи сердец узбекских женщин, чтобы своим творчеством помочь многонациональному зрителю понять душу свободной женщины советского Узбекистана.

Тамара Ханум поет песни народов земного шара, песни, прославляющие радость жизни, красоту, любовь, счастье мирного труда, песни, зовущие к миру и дружбе.

И не удивительно, что китайские бойцы прислали в дар узбекской артистке свои боевые ордена, написав небольшую записку:

«Вы подарили нам много часов счастья, и нам хочется сделать Вам самый дорогой подарок. Самое дорогое для нас — боевые ордена; примите их».

«Тот, кто хоть раз видел выступление Тамары Ханум, покинет зал с желанием новой встречи,— пишет корреспондент журнала «Огонек» Н. Волков.— Ее глаза искрятся радостью и расцветают улыбкой от сознания, какой счастливой и легкой поступью идет ныне гордая советская женщина по раскрепощенной родной земле.

...Искусство Тамары Ханум поистине многонационально. Народная артистка Узбекской ССР, она не ограничивает свое воображение пределами отчего дома. Если узбекские песни и пляски... составляют основные листы ее творческого альбома, то сколько в нем еще красивейших страниц, посвященных другим народам»⁵.

Советская актриса любима народами Союза, Европы и Азии, потому что творчество ее глубоко народно, национально. Песни народов мира поет именно узбекская актриса Тамара Ханум.

«Если бы мне сказали: «Ты никогда больше не увидишь Узбекистана, ты никогда больше не пройдешь по улицам Ферганы»,— я перестала бы быть артисткой. Я не могла бы ни танцевать, ни петь»,— говорит Тамара Ханум.

И миллионы зрителей на Родине и за рубежом нашей страны понимают и ценят в искусстве Тамары Ханум народные основы, национальное своеобразие.

«Вы пришли к нам из далекой родины Вашей — Узбекистана, из сердца Азии,— пишут в книге отзывов чехословацкие зрители,— и мы чувствуем в творчестве вашего народа огромную жизнеспособность и древнюю культуру».

«В Вашем исполнении советского фольклора,— продолжают ту же мысль польские зрители,— изображены лучшие качества народов Вашей Великой Родины: героизм, искренность, непосредственность и величие духа. Всякий, кто хоть раз посетит Ваш концерт, никогда его не забудет и навсегда останется другом советской культуры».

В 1956 году, в день пятидесятилетия Тамары Ханум, советское правительство присвоило ей почетное звание Народной артистки Советского Союза.

В образе Тамары Ханум зримо оживает смысл, значение слова — Народная артистка — артистка, вся жизнь которой посвящена народу, которая черпала и черпает из народного творчества и возвращает историю народу.

В творчестве Тамары Ханум отражается дух нашей эпохи, эпохи борьбы за мир, борьбы за братство и дружбу народов.

Л. АВДЕЕВА.

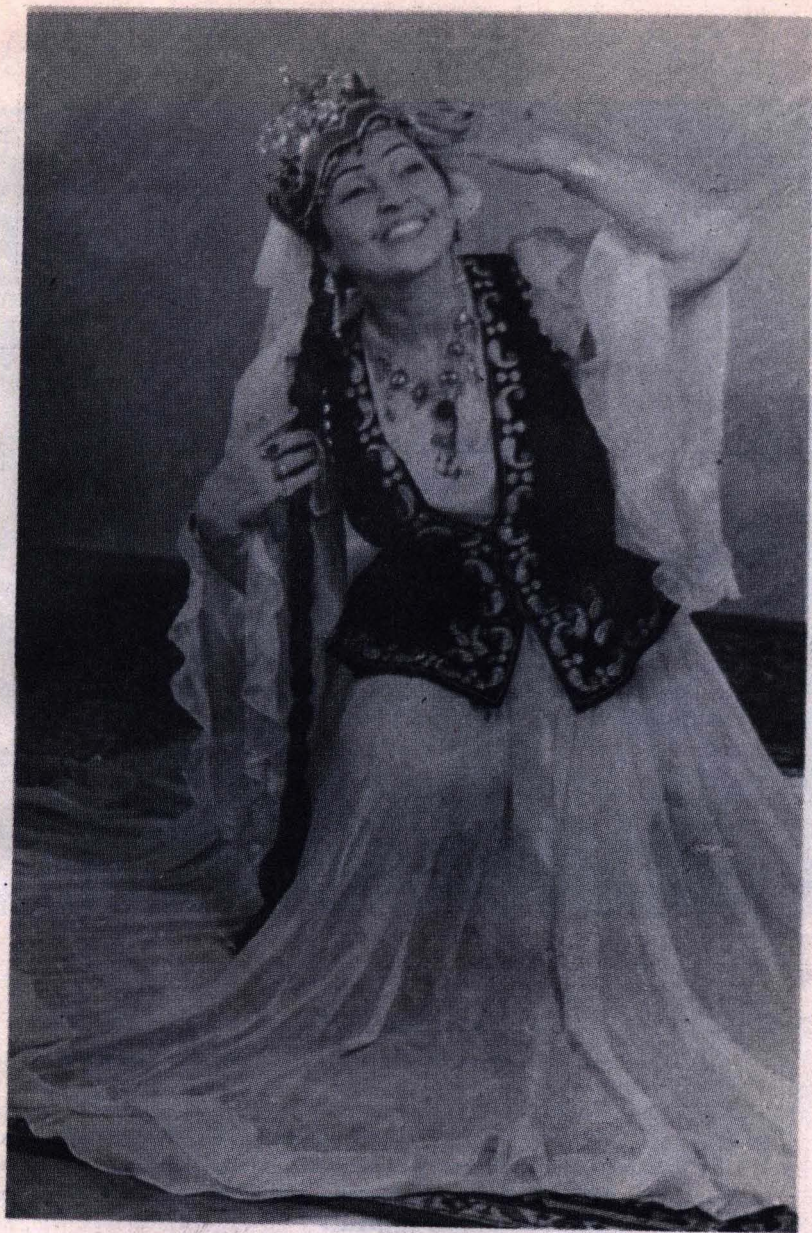
⁵ Журнал «Огонек» № 52, декабрь 1948 г., стр. 26.

УЗБЕКСКАЯ ПЕСНЯ «ГУЗАЛЬ ФЕРГАНА»

Слова *Р. Бабаджанова*, музыка *М. Бурханова*.

Красавица Фергана! Сердце Узбекистана!
Крупными жемчужинами, хлопка усеяны твои цветущие долины.

Дорогая Фергана! Ты вырастила прекрасных людей. Твоих сыновей-богатырей воспитала Коммунистическая партия. Счастливая Фергана! У тебя есть друг и старший брат — Великий русский народ.

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ
«ВДОВОЛЬ ЕДЫ, ВДОВОЛЬ ОДЕЖДЫ»

Девушка ткачиха поет: «Смотрите на меня и слушайте, как поет мое веретено. В руках моих пряжа. Из этой пряжи выйдут нарядные платья для наших девушек. Зимой в этих платьях будет тепло, а летом прохладно. Я тружусь для своего народа, будет много у нас одежды!»

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ
«ВДОВОЛЬ ЕДЫ, ВДОВОЛЬ ОДЕЖДЫ»

Поет китайский юноша: «Я вспахиваю землю, а землю надо вспахивать любовно, тогда из маленьких росточков выйдут тяжелые колосья. Вырастим богатый урожай! На каждом столе, в каждом доме будет много белоснежных пампушек, а там, где пампушки, там и ягнята. Будет вдоволь еды, вдоволь одежды!»

ГРУЗИНСКАЯ ПЕСНЯ «УРОЖАЙНАЯ»

Слова и музыка К. Нараманидзе.

Друг мой встревоженный, что случилось с тобой? Или остыло
твое сердце? Почему не улыбаешься мне?

Знаю я, в чем дело: была пора виноградного урожая. За
хорошую работу я похвалила соседского сына Нико и даже
поцеловала его. Вот и обиделся мой дружок.

Посмотри, как обилен и богат наш урожай, как расцветает
наша любимая страна...

Иди в круг к нам! Пусть зацветет улыбкой твое лицо.

Будем петь о нашей прекрасной Родине. Пусть расцветает
наша родная Грузия!

КОРЕЙСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ «ТОРАДИ»

Торади — белый цветок, растущий у подножия алмазных гор! Корейские девушки собирают цветы, а когда встречают милого друга, то счастливой улыбкой озаряются их лица — ярко светит солнце, пышно расцветает торади, вкусен и сладок его корень.

ИСПАНСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ
«ЭСТАМАНЬНА»

Целый день я тружусь, как муравей, в поле, но я никогда не устаю. Я жду воскресенья, чтобы надеть свое лучшее платье и проплясать кадрили со своими друзьями.

ИСПАНСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ «ТЕКЬЕРО»

Все селение Трианейро без ума от испанской цыганки Кармелы. Когда она с кастаньетами в руках пляшет на площади для народа, все говорят: природа отдала ей все, что могла. Юноши наперебой предлагают Кармеле руку и сердце, но Кармела холодна к ним и равнодушна: она любит тореро Мануэля. Каждый вечер она поет ему: «Мой Мануэль! Я бедная, простая продавщица сигарет, но я люблю тебя! Я люблю твои черные, как ночь, глаза и волнистые кудри, я люблю тебя за храбрость и отвагу и буду любить только тебя».

АФГАНСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ «ОМАДУ»

Я встретил тебя в темном переулке, ты спросила меня:
«Откуда ты, юноша?» Я сказал тебе, что я из Герата, и не
сказал ни слова приветия. Ты догнала меня, ты схватила мою
руку своей горячей рукой и снова спросила: «Откуда ты,
юноша?» Я сказал тебе, что я из Герата, и прошел мимо...
Ты сожгла меня, ты опьянила меня, ты погубила меня!

ЧЕШСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ-ШУТКА
«ТАНЦУЙ, ТАНЦУЙ!»

Танцуй, танцуй, выкручивай, только печку не сверни. Печка добрая, зимой она всем пригодится, особенно тем, у кого нет теплой перины.

Имела я красивые рукавички, подарила их цыганке. Просила цыганку нагадать мне сына. Цыганка рукавички взяла, да еще денег потребовала и обещала сына нагадать красивого, как цветок.

БУХАРСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ «ЕРИ ДЖОНИМ»

Я очень устала ждать тебя.

Мои губы поблекли — а ты проходишь мимо, не глядя в
окно...

Приходи скорее, я жду тебя.

МОЛДАВСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ «ФРУНЗЭ-ВЕРДЭ»

Отец говорит сыну: «Пора тебе, сын мой, жениться! Я и невесту нашел тебе — это дочь Трояна, она, правда, не очень красива, но зато богата: ты будешь хорошо жить».

«Нет, отец,— говорит сын,— не надо мне богатства, я сам нашел себе невесту, она бедна, но мила и красива, и я женюсь на ней, а дочь Трояна пусть остается со своим богатством».

КАЗАХСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ «КАРА-ТУРГАЙ»

«Если бы ты была птицей,— поет юноша девушке,— я бы взобрался на высокую гору Кара-Тау, поймал бы тебя, посадил бы на свое плечо, гладил бы твои шелковые крылья и никогда от себя не отпускал бы! Но ты не птица! Ты девушка! И поймать тебя очень трудно...»

УЗБЕКСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Слова *Мукими*.

Друзья мои! Будьте счастливы, никогда не знайте боли
разлуки, не расставайтесь со своими любимыми! Мукими поет
песню о любви, о верности. Будьте счастливы, друзья мои!

ЭСТОНСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ «ТУЛЬЯК».

Сегодня в нашем районе большой праздник: молодой Тыне женится на красивой Манне. Собралось много гостей, даже из соседних районов приехали гости. Уже выпито много вина, много пива, все пляшут, даже свекор со свекровью танцуют народный танец «тульяк». А девушки стесняются, жених смеется и шутит, он говорит: «Не стесняйтесь, девушки! Танцуйте! Скоро мы и на вашей свадьбе потанцуем!»

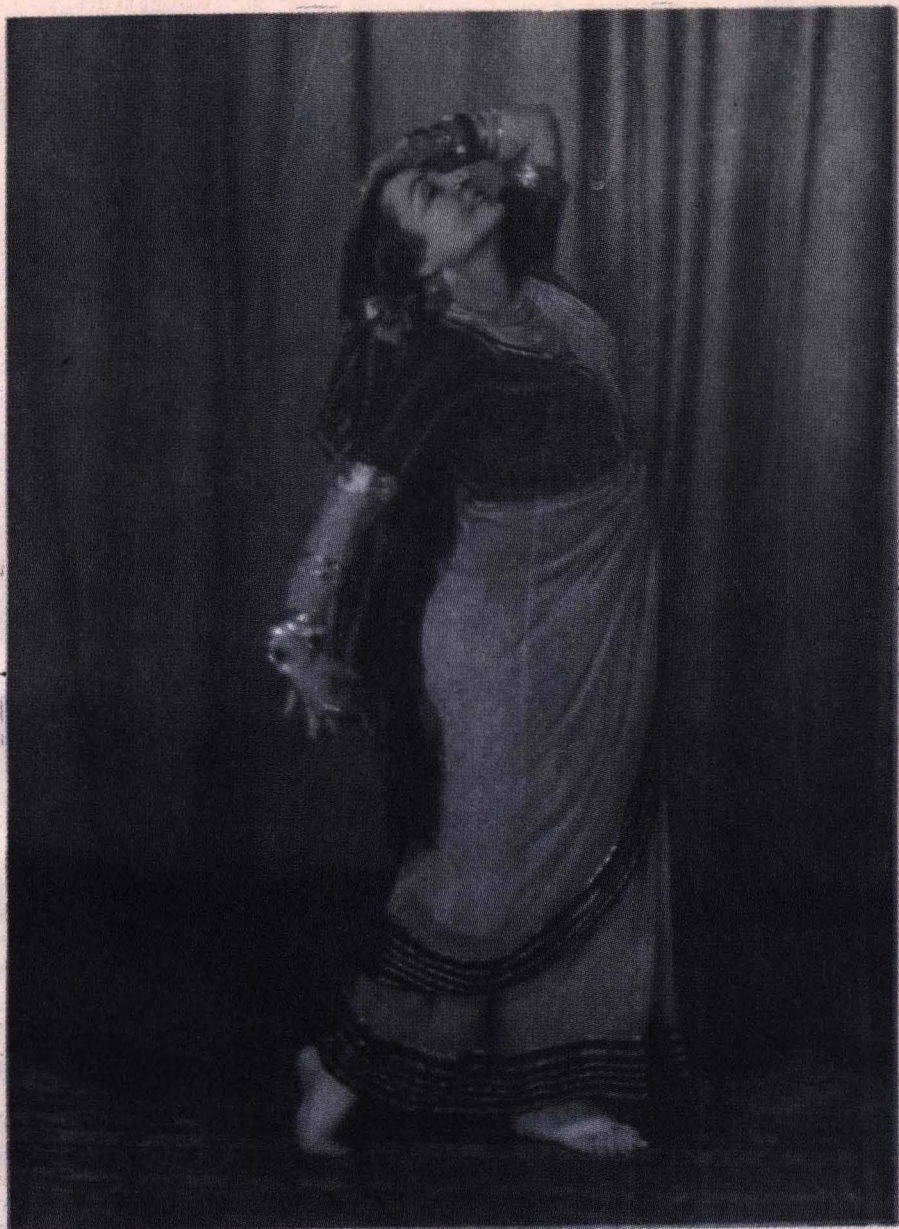

ИНДИЙСКАЯ ПЕСНЯ «СУРИЕ АСТА»

Слова и музыка Хариндраната Чаттападхайя.

Сегодня мы работаем в поле. Мы смотрим на восходящее солнце. Яркие лучи озаряют нас.

Сегодня мы работаем в поле. Мы собираем хлеб. Все знают, что хлеб — это жизнь. Мы работаем и поем песни. Песни — наш отдых!

ПОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ-ШУТКА «МАТВЕЙКА»

Когда слышит Матвейка звуки музыки, то, если даже умирать будет,— воскреснет, такая уж у Матвейки музыкальная душа.

Так играйте же громче, скрипки и басы! Сыграйте Матвейке обертас, пусть вспомнит Матвейка свою юность!

АРМЯНСКАЯ «ПЕСНЯ ЛЮБВИ».

В моем сердце нет горя, но я болен, и никто, кроме тебя, меня не излечит... Любимая, скажи, кто забрал твою любовь? Я тебя зову, а ты молчишь, ты далеко от меня, ты не слышишь меня... Но я посылаю тебе песнь любви, пусть будет с тобой мой голос, он тебе расскажет, как я тоскую о тебе...

5 Тамара Ханум

ХОРЕЗМСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ «САНАМО»

Красавица Пери! Я так люблю тебя, что даже Меджнун так
не любил своей Лейли.
Вот как я люблю тебя!

БОЛГАРСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ «МИЛАЯ МАМА»

«Милая мама,—говорит юноша матери,—вчера я увидел девушку и влюбился в нее с первого взгляда. На ней была красивая сорочка цвета фиалки и вышитый кафтан, но глаза ее были милее всего. Пойди, посватай ее, может быть, выйдет за меня замуж... Пойди, милая мама, попытай счастья!»

РУССКАЯ ПЕСНЯ «НОЧЕНЬКА»

Слова Я. Белинского, музыка В. Макарова.

В садах черемуха пылит порошею,
Заря вечерняя пылает над рекой.
Тропой заветною, тропой хорошею
Придет желанный мой, придет мой дорогой.
Туманы падают на травы росные.
До самой зореньки сидели мы вдвоем.
Ах, ночка, ноченька, ты ночка майская!
А соловьи, да соловьи поют кругом.

АЛБАНСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ «КАРА-ФИЛИ».

Край мой любимый, мой Шкодэр, к тебе возвращается твой сын.

Ветер! Ты быстрее меня долетишь, Расскажи моим друзьям о том, что я возвращаюсь.

ЕВРЕЙСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ «ВАРНЭЧКИ»

Если бы у меня была мука, вода, скалка, кастрюля, доска, печь, я бы приготовила самое вкусное блюдо на свете — варнэчки. Я бы приготовила вкусные варнэчки и съела бы их с любимым.

Но у меня нет не только муки, скалки, доски, кастрюли и печи,— у меня нет и любимого...

Где же взять его?!

ТАДЖИКСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ «ХУШ-ОН-ЗАМОН»

Желанный час, когда же он настанет?..

Я жду тебя среди роз, среди цветов, я буду петь для тебя.
В глазах моих звезды счастья, брови мои — как молодой
месяц, сердце мое — красный тюльпан.

Что же ты не идешь, гость мой дорогой?
Я жду тебя среди роз.

ПАКИСТАНСКАЯ СВАДЕБНАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ
«САВАЛЪ-ДЖАВАБ»

Жених спрашивает невесту: «Ты любишь меня?»

Невеста отвечает: «Люблю!»

Жених говорит невесте: «Я был храбрым и смелым, а
теперь я побежден твоей красотой и любовью. Я твой!»

«Я твоя!»— говорит невеста.

МОНГОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ
«АРВЫН-ТАВНЫ САРА»

Когда молодому месяцу исполнилось пятнадцать дней, монголке Шоа-Джун исполнилось пятнадцать лет. В этот день красавица Шоа-Джун впервые села на коня.

Когда месяцу исполнилось двадцать дней, мать нарисовала на лбу Шоа-Джун красную родинку в знак того, что она уже невеста.

Приехал джигит и увез ее далеко-далеко, к себе.

УЗБЕКСКАЯ ПЕСНЯ «ЯХШИ-ГЮЛЬ».

Слова *Мирзаева*, музыка *П. Рахимова*.

Ты просыпаешься раньше солнца! Ты сама, как солнце!
Рано утром ты выходишь в поле и собираешь белое золото—
хлопок. Тебе подражают молодые, тебя уважают старики.
О тебе поют в нашей стране, мы гордимся тобой, родная наша
сестра Яхши-Гюль!

УКРАИНСКАЯ ПЕСНЯ «УКРАИНА И УЗБЕКИСТАН»

Слова Я. Городского, музыка О. Сандлера.

На войне встретились Галя и Султан, они вместе воевали и полюбили друг друга. Кончилась война, разъехались друзья — Галя в Киев, а Султан в Ташкент.

Но прошло время, встретились они в Москве и теперь уже вместе поехали на народную стройку в Каховку.

Вместе с Галей и Султаном сотни молодых патриотов работают на великих стройках во имя светлого будущего, во имя коммунизма.

ИРАНСКАЯ ПЕСНЯ «ВЕСНА»

Слова и музыка *Кишварзи*.

Пришла весна. Поля и луга покрылись зеленым бархатом.
Высоко в небе летают белые голуби и мирно воркуют.

Распускаются яркие цветы — так пышным букетом расцветает дружба народов.

Пусть в мирной застольной беседе, под звуки веселого чанга раздаются веселые песни о дружбе, о мире!

Изложение текстов песен
СОФБИ КАРАКАШ

Редактор *С. А. Левитина*

Художник *Г. М. Соколов*

Худож. редактор *М. Э. Гумаров*

Техредактор *П. А. Уманский*

Корректоры

Э. А. Карелина, С. А. Петунина.

* * *

Сдано в набор 9/V 1956. Подписано к печати 30/VII 1956. Формат 70×92/16. Печ. л. 5,5. Усл. печ. л. 6,43. Издат. л. 6,5 + 1 вклейка. Тираж 3000. Р 03592. Государственное издательство Узбекской ССР. Ташкент. Полиграфическая, 74. Договор № 196—56.

* * *

Типография № 1 Узглавиздата Министерства культуры УзССР, Ташкент, ул. Хамзы, 33. Заказ № 638.

Альбом иллюстраций отпечатан в типо-литографии № 4 Узглавиздата Министерства культуры УзССР.

Цена 13 р. 25 к.

RECEIVED BY THE DIRECTOR OF THE BUREAU OF THE CENSUS
JAN 10 1900

6/10/00

10/10/00

10/10/00